
АРТАВАЗД ТУМАНЯН: ДОБРОВОЛЬНАЯ ЖЕРТВА ГЕНОЦИДА

СУСАННА ОВАНЕСЯН

Вера великого армянского поэта Ованеса Туманяна в светлое будущее своего народа, опиравшаяся на его безграничный оптимизм, передавалась его детям. Вместе с верой и оптимизмом Поэт Всех Армян передал им мечту о создании единой Родины. Конечно, Туманян вовсе не был настолько наивен, чтобы в самые трудные, судьбоносные и трагические в жизни армянского народа дни мечтать о политической независимости Армении: он прекрасно представлял геополитическую устремленность царской России и не верил даже заверениям и обещаниям о присвоении армянам автономии, а ожидать каких-либо реформ от турецких варваров и вовсе не приходилось. Вот почему он всего лишь мечтал, чтобы ушли в прошлое, стали мифами и легендами бесконечные массовые погромы, наводящие ужас гонения, притеснения, чтобы прекратилась насильственная депортация, чтобы не было больше доведенных до крайнего изнурения и отчаяния сирот, беженцев и скитальцев, а самое главное, чтобы армянский народ объединился, перестал делиться на «турецкоподданных» и «восточных», «русскоподданных» армян, чтобы можно было всей нацией взяться за культурное, нравственное и экономическое переустройство. Дочь поэта Нвард свидетельствует, что Туманян, побывав в июне 1915 г. в долине Алашкерта, в поле Абага, а затем в Ване, увидел отступление, потоки беженцев, ужасающие картины, вернулся из поездки под тягостным впечатлением от всего увиденного и не мог успокоиться. Был разочарован, раздосадован, подавлен, удручен, вернулся крайне усталый и больной. «Изо дня в день он все более и более отчаивался, состояние здоровья ухудшалось и становилось все тяжелее. Он уже не был прежним улыбчивым, жизнерадостным, чутким человеком»¹.

Казалось бы, сложившаяся ситуация должна была заставить поэта запретить своим сыновьям и дочерям отправляться в Западную Армению, однако он поступил наоборот. В Васпуракане развернули актив-

¹ Ն Վ Տ Ր Պ Թ Ն Ի Վ Մ Ի Յ Ի Ն. Հոլշեր և գրոյցներ (далее – ՀԶ), Երևան, 2009, էջ 122:

ную деятельность трое из его сыновей – Мушег, Арег и, в особенности, Артавазд (Артик).

Мушег находился в Диадине, Амлик проходил военную службу в Александрополе, а позднее – в Тифлисе, а младший сын поэта Арег

участвовал в последних боях по освобождению Западной Армении от векового врага, сражался мужественно, никогда не отчаивался, хотя борьба была неравной и совершенно безнадежной. Своей отвагой и самоотверженностью Арег особенно отличился в битве за Эрзерум 25 февраля 1918 г. Об этом свидетельствует приказ командования от 13 сентября 1918 г., согласно которому 18-летний Арег Туманян награждается Георгиевским крестом. В справке за номером 443 командира Эрзерумского Армянского пехотного полка говорится: «Дано сие мл. унтер

офицеру пулеметной команды Эрзерумского пехотного Армянского полка Арегу Туманяну в том, что он за бой под Эрзерумом 25 февраля 1918 года действительно награжден Георгиевским крестом за ¹ 923 306, что подписью и приложением казенной печати удостоверяю.

Тифлис 13 сентября 1918 года

Командир Эрзерумского Армянского пехотного полка

Подполковник (подпись неразборчива)

Полковой адъютант

Подпоручик Мелик-Гайказянц².

Еще до того, как отправиться в Ван, и Туманян, и его сын Артавазд были хорошо информированы о положении на фронте и в тылу. Об этом им периодически писал служивший там Мушег, который 1 января 1915 г. вместе с Леоном Лисицианом добровольно отправился в Западную Армению. Он сообщал о продвижении русской армии и о паническом бегстве неприятеля, который практически не оказывал никакого сопротивления, и одновременно информировал о случаях притеснения и погромов армян со стороны русских, считая эти случаи досадными недоразумениями. Еще 27 февраля 1915 г. Мушег сообщил своей семье о

² Этот документ недавно предоставила нам внучка Ов. Туманяна Ирма Сафразбекян-Туманян, за что выражаем ей благодарность. Документ публикуется впервые.

страшных последствиях распространения эпидемии тифа в Диадине и - Веспуракане³.

В Диадине Мушег занимался проблемами армянских сирот и беженцев, принимая их, устраивая и отправляя за пределы Османской империи, в Восточную Армению. Мушег был одним из первых, кто начал бить тревогу по поводу новой опасности, грозящей армянским сиротам. Очень многие из русских военных самолично занимались решением судеб армянских сирот и переправляли их в Россию. Дети, оставшиеся без родителей и без родины, теперь оказывались еще и перед угрозой потери своей национальности. Прекрасно владея русским языком, Мушег обращался к высокопоставленным военачальникам, просил, убеждал и уговаривал их, однако чаще всего его просьбы и уговоры встречали непонимание и отказ. Первого февраля 1915 г. Мушег узнает, что «русские распределили детей между собой. Одного ребенка берет какой-то подполковник, а остальных – казаки, котрые усыновляют детей, русифицируют, одним словом, превращают их в свою собственность. Обращаемся – не отдают, говорят, мы их освободили от смерти, они наши, и кто знает, отправляя, в какой угол их отведут – Урал, Сибирь, Северный Кавказ»⁴. И Мушег в лице своей сестры Нвард обращается за помощью ко всем армянским сестрам милосердия. Он предлагает даже оставить на время заботу о раненых добровольцах и ополченцах, поскольку «есть кому лучше думать и заботиться о солдатах», и прийти на помощь западному армянству, о котором некому заботиться. «Ими (западными армянами – С. О.) пренебрегают, оставляют голодать и терпеть бедствия. Села разрушены, мужчины убиты, женщины и девушки взяты в плен и изнасилованы, остались только старики и дети, и при этом - выясняется, что армянский народ стоит перед жертвоприношением иного рода, перед грабежом нового вида, перед расхищением детей...»⁵. Потрясенный увиденными ужасами и озабоченный судьбами родины Мушег пишет родным из Игдира: «Проблема народа настолько важна и неотложна, имеет для нас настолько важное значение, что даже не знаю, что сказать, сделайте что-нибудь для этих людей, найдите какой-нибудь выход.

То, что творится здесь, то, что слышим и видим сейчас, намного, значительно хуже представляемого, везде и всюду зажиточные села, населенные вооруженными курдами, которые свободно и нахально бродят

³ *Թուվանյանի ընտանիքի նամակահին, կազմեց և ծանոթագրեց Իրևա Սաֆրազ-բեկյանը, Երևան, 2009, էջ 66:*

⁴ Там же, с. 65.

⁵ Там же.

по этой округе, и рядом с ними покинутые и безлюдные армянские села, в которых не увидеть ни одного человека, никто не осмеливается подойти к своему дому, своему очагу, тогда как курды свободно заходят в любой дом, грабят дома наших армян и смеются над нами»⁶.

В мае 1915 г. армянское население нескольких сел выражает в письме свое недовольство действиями русских войск и просит о помощи. Мушег переправляет это письмо, которое, по его признанию, «произвело на всех очень тяжелое впечатление», католикосу⁷. Сразу же после отправления письма Мушег решил вернуться в Игдир и затем отправиться в - Караклис, Маназкерт, Коп, Муш и Ван. Однако в августе он все еще был в Диадине, и наиболее вероятной причиной задержки был запрет русского военного начальства.

В конце 1915 г. в армию призывается Артавазд Туманян и проходит военную службу в частях «Союза Всероссийских городов». Основной задачей этих частей было не непосредственное участие в боевых действиях, а оказание помощи населению во фронтовой зоне, в частности, осиротевшим детям. Сирот ставили на учет и давали приют. Без малого два с половиной года, вплоть до весны 1918 г., Артавазд не только нес службу, но и развернул активную национально-патриотическую деятельность в Западной Армении, в Ване, занимая должность управляющего делами по хозяйственной части в Кавказском комитете Союза Всероссийских городов при Международном Красном Кресте⁸.

Этот период жизни Артавазда исключительно важен в контексте его - патриотической деятельности и дополняет не только его биографию, но и богатейшую, интереснейшую биографию Ованеса Туманяна, лишней раз подтверждая тот неоспоримый факт, что как для великого писателя, так и для его сына Артавазда национальные проблемы и задачи не ограничивались одними лишь вопросами искусства. Артавазд, подобно своему отцу, чувствовал себя обязанным всегда быть в эпицентре, в самом горниле судьбоносных для армянского народа событий, жить и бороться всеми возможными и невозможными способами.

Артавазд Туманян первое время служил в Игдире, и по долгу службы ему приходилось бывать в самых разных городах и селениях исторической Армении. С января 1915 г. Артик находился в Джульфе, там же год спустя он узнает о гибели дяди, брата Ованеса Туманяна Арташа. 17 февраля 1916 г. он едет из Джульфы через Дилман и Хой в Ван, полу-

⁶ Там же, с. 65–66.

⁷ Там же, с. 70.

⁸ *Թուրանյանի գաղափարները. Աշխեն. Հուշեր և ընտանեկան պատմություններ, Երևան, 2011, էջ 165:*

чив назначение на должность полномочного представителя Кавказского комитета Союза Всероссийских городов. Он оставался в Васпуракане и работал в этой должности вплоть до окончательного падения города Вана от турок в марте 1918. Артавазд постоянно разъезжал по Западной Армении, бывал в разных регионах, городах и селах Васпуракана. С октября 1916 г. на протяжении нескольких месяцев он был в Игдире и занимался проблемами сирот.

Артавазд Туманян родился 28 ноября 1894 г. и трагически погиб во имя Вана и ванцев в 1918 г. Ему тогда не исполнилось и 24-х лет. Имя Артавазда, так же, как и имена первых трех своих детей, Туманян взял из романа Раффи «Самвел». Начальное образование Артик получил в частном пансионе Ст. Лисицына, затем продолжил образование в школе Нерсисян. Однако указанные образовательные центры не могли удовлетворить его интересов в сфере архитектуры, живописи, театрального искусства и литературы⁹.

В первые месяцы войны двадцатилетний Артавазд находился в Москве, куда отправился учиться еще в августе 1913 г.¹⁰ Он намеревался отсюда перебраться за границу, однако по совету Мартироса Сарьяна решил остаться в Москве, брать уроки живописи и прослушать курс лекций по искусству. Уроки прикладного искусства посещал с большим удовольствием и прилежанием. «Я никогда не был таким прилежным и послушным учеником, как теперь»¹¹. С первых же дней своего пребывания в Москве Артавазд принимает активное участие в культурной жизни армянской диаспоры, сближается с Мартиросом Сарьяном, Погосом Макинцяном и Вааном Терьяном.

Все дети Ов. Туманяна, независимо от избранной ими специальности, всегда стремились жить теми интересами и ценностями, которыми были окружены и воспитаны в семье, в своем доме, являвшемся центром искусства и литературы.

В январе 1914 г. Мартирос Сарьян привлекает Артавазда к работам по созданию «Общества, покровительствующего армянским памятникам старины». Артик был воодушевлен инициативой Сарьяна. «Отец, это в высшей степени необходимое и прекрасное Общество... Я уверен, что

⁹ Некоторые подробности биографии Артавазда Туманяна см. в кн.: *Բ. Միջրիշի կյանքի և գործունեությանը մասին հիշատակներ*, Երևան, 2009, էջ 133–144.

¹⁰ В это время Артик проживал в Москве по адресу: Соломенная, Ивановская улица, д. 5, кв. 4.

¹¹ См.: *Թումանյանի ընտանիքի նամակները*, էջ 59.

все наши монастыри, хачкары, картины, предметы старины, наше столь прекрасное и изящное искусство попадут в заботливые руки»¹².

Из всех десяти детей Ованеса Туманяна и по внешности, и по своему душевному складу, по приверженности искусству и природной одаренности на отца больше всех был похож именно Артик. Об этом свидетельствуют как сохранившиеся фотографии, литературное и научное наследие, так и воспоминания современников, в частности, Лео, С. Городецкого, Д. Демирчяна, В. Тотовенца и других.

Артавазд Туманян был очень одаренным, талантливым юношей, яркой личностью. Личный пример отца и воспитание, богатейшая по тем временам домашняя библиотека, царившая в доме литературная обстановка – все это способствовало развитию таланта молодого Артавазда. Подобно отцу, он был большим книголюбом, книги были для него предметом поклонения. С юных лет в нем проявился также интерес к науке. Артавазд перенял жизненный принцип Туманяна – побеждать зло добром, ставить духовные ценности выше материальных. В одном из своих дневников восемнадцатилетний Артик пишет: «Сколько всего хорошего и плохого пришло и ушло, но для меня всегда осталось хорошее, доброе, чистое, прекрасное... прекрасное...»

Эх, вспомнил, что нет у меня новых туфель, но зато ведь душа у меня новая, молодая, светлая»¹³.

Литературное наследие Артавазда отличается жанровым многообразием. Он писал стихи, рассказы, сказки, публицистические статьи, научные исследования, занимался художественным переводом. Артавазд много писал о животных и цветах. Большой частью написанное им осталось в незавершенном и необработанном, черновом виде.

В вопросе переводов Артик также следовал примеру отца, неукоснительно считаясь с его художественным вкусом и предпочтениями. Он переводил Гейне, переложил стихотворение Лермонтова «Ангел» и поэму «Беглец», перевел стихотворение Ильи Чавчавадзе «Родина». Артавазд серьезно увлекается лирическими мотивами и формами Уолта Уитмена, пробует писать свободным стихом («Зеленые кудри», «Безумец», «Исчезновение», «Руки», «Ночные розы» и т. д.)¹⁴. Он подражает также терьяновской школе, и это не удивительно, поскольку притягательная сила и популярность Терьяна в среде армянской молодежи была в те годы огромной.

¹² Там же, с. 57.

¹³ См.: Է. Դ. Ջրբաշյանի Բանաստեղծի լրերը. – «Գարուն», Երևան, 1977, -9, էջ 49:

¹⁴ Թումանյանի զավակները. Արտավազը Թումանյան, գիրք Բ, Երևան, 2014, էջ 158.

От своего отца Артавазд перенял также уникальную способность предчувствовать события и веру в вещие сны. Так, он предчувствовал и – даже воплотил в художественное произведение свой сон о предстоящем аресте отца и брата Мушега и их заключении в Метехскую тюрьму. В стихотворении «Арестованный поэт» он отобразил увиденные в своем воображении и черные стены тюрьмы, и сверкающие железные цепи, которым следовало заменить лиру поэта¹⁵.

Значительную часть прозы Артика составляют переводы и переложения из Л. Толстого, А. Куприна, Д. Мамина-Сибиряка, М. Горького, А. Франса, Г.-Х. Андерсена и других авторов. Многие из литературных анекдотов Артика публиковались на страницах детского журнала «Аскер» («Колоски») под псевдонимами «Артавазд Смелый», «Сломанная ложка». Он обрабатывал также мифологические и фольклорные сюжеты.

Артавазд писал драмы, одна из которых – «Рубенс» – 4 марта 1912 г., была даже поставлена режиссером Арамом Вруйром. Артик в качестве актера выступал в различных любительских коллективах. Он, в частности, был первым исполнителем роли Амбо в постановке «Гикора». В 1913 г. в постановке пьесы «Апофеоз», посвященной годовщине смерти – Габриела Сундукяна, Артик сыграл роль великого драматурга.

Драматургия была стихией Артавазда Туманяна, так же, как и живопись. Перед тем как отправиться на фронт, он признался отцу, что начал писать героическую драму. И эта драма так же, как двадцать других начатых пьес и творческих задумок, осталась незавершенной. Любовь к художественному искусству побуждала Артика писать пьесы о гениях эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, Тициане, выдающемся художнике-живописце, основоположнике фламандской школы Питере-Пауле Рубенсе, великом голландском художнике Антонисе Ван-Дейке, крупнейшем немецком драматурге и философе Фридрихе Шиллере. Он намеревался также написать пьесу о жизни Рафаэля Санти.

Проживая более двух лет в Ване и объезжая близлежащие регионы, Артик занимался изучением рукописей, хранившихся в монастыре Ахтамар. Помимо своего основного занятия – хлопотах об устройстве армянских сирот и беженцев – молодой искусствовед умудрялся выкраивать время для написания пьесы о царице Нане.

Артавазд сочинял детские забавные игры-викторины еще до того, как это начал делать его знаменитый отец. Если Ов. Туманян создал свои первые детские познавательные игры только в 1915 г., то его сын Артавазд еще в 1912 г. опубликовал составленную из 50-и карточек игру

¹⁵ Там же, с. 125.

«Флирт»¹⁶, а в 1915 г. создал викторину «Драгоценные камни», составленную из 37-и карточек.

Артавазд еще в раннем подростковом возрасте то ли в шутку, то ли всерьез основал двухнедельную газету «Махат» («Большая игла») и провозгласил себя ее редактором, взяв псевдоним «Биз» («Шило»). В годы учебы в школе Нерсисян он редактировал рукописный вестник «Тотованк» («Лепетание»)¹⁷. Уже значительно позднее, во время войны, Артавазд с Кавказского фронта посылал в тифлиссские газеты корреспонденции о положении дел в Ване.

В архиве Артавазда Туманяна сохранились небольшие журналистские статьи и объемные опыты исследований, переводы из научных трудов и трактатов, собственные размышления. Юный искусствовед и критик приступил к написанию исследований «Драгоценные камни в песнях Саят-Новы», «Средневековые армянские художники», «Яўпонская живопись» и других, причем в некоторых из этих статей описывал также хачкары Лорийского региона. Он написал также очерки о Егише Тадевосяне и Мартиросе Сарьяне. Артик, кстати, был первым, кто правильно отметил особенности изобразительного искусства Сарьяна: «В картинах Сарьяна есть столько искусства, сколько не было ни в одной из работ армянских художников»; «Сарьян не уподобляет свое искусство восточному искусству, а просто рисует Восток, потому что чувствует большую близость, чувствует как что-то свое»¹⁸.

Как уже было отмечено, Артавазд Туманян серьезно занимался живописью. С 1910 г. посещал школу живописи в Тифлисе, был учеником Егише Тадевосяна, удостоился приза. Он был настолько одаренным, что Мартирос Сарьян прочил ему будущее художника, неоднократно высказывал убеждение, что если бы Артик не погиб в молодом возрасте, то непременно стал бы большим художником... Находясь в местах военных действий, он вместе с Н. Адонцем и А. Калантаром разъезжал по регионам Западной Армении и рисовал армянские монастыри и крепости. В письме сестре Нвард от 2 марта 1916 г. Артик пишет о дороге, связывающей Дилман с Хоем: «Если бы ты знала, по каким красивым, умиритель-

¹⁶ Действующие персонажи: игры указываются в виде названий цветов и соревнуются в своих познаниях в области армянской поэзии (Пешикташлян, Цатурян, Туманян, Исаакян, Шант, Терьян). Сохранилось свидетельство Артика о том, что он благодаря этой игре поженил одну молодую пару в Нухи (см.: *Թումանյանի ընտանիքի նամակներն*, էջ 79–80).

¹⁷ См.: *Թումանյանը ժամանակակիցների հուշերում* (далее – *ԹՇՀ*), *տեքստը պատրաստեց և ծանոթագրեց* L. Շարապետյանը, *Երևան, 1969*, էջ 676:

¹⁸ Там же.

ным местам я проходил: достаточно назвать поле Аварайра... как прекрасно...

Затем следовали река Кармир, места гибели Вардана и Гевонда... гавары Гер и Зареванд... Какие цари, князья, какие личности проходили по этим дорогам! »¹⁹.

Артик просто влюбился в Западную Армению. Там же и тогда же у него возникло нежное чувство к англичанке Элизабет Армстронг, которая находилась в Ванской области в качестве сестры милосердия. Элизабет или Бетти, как ее обычно называли, в свободные от работы часы давала Артавазду уроки английского языка. В двух молодых сердцах – драматурга и художника Артавазда и дочери «Туманного Альбиона» – загорелись красивые, лирические чувства. В минуты вдохновения Артавазд посвящает Элизабет стихотворение.

Артавазд писал Элизабет волнующие и трогательные письма на английском языке, выражая ей свою благодарность за гуманитарную миссию на его бедствующей родной земле. В ответных письмах англичанки ощущается ее любовь, тоска и сердечный трепет по поводу проведенных в Ване дней. Элизабет Армстронг в одном из своих писем пишет: «Дорогой мой армянский юноша, дорогой мой ученик, не забывай английского, чтобы писать мне длинные-длинные письма. Что бы ты ни писал, как бы ты ни писал, я смогу тебя понять. И всегда помни, что я всегда буду проверять свой почтовый ящик. С беззаветной любовью и вечно твоя сестра Бетти»²⁰. Эта история чистой дружбы, искренней любви прервалась трагической гибелью Артика, так же, как прервалась история любви Артавазда Туманяна и дочери известного врача и общественного деятеля О. Завриева.

В конце апреля и в мае 1916 г. Артавазд в Западной Армении занимается оказанием содействия сиротам. Сергей Городецкий свидетельствует: «В теснинах, находящихся между Ванской долиной и Армянским ущельем, где армянское население продержалось долго, Артавазд Туманян вместе с товарищами выявлял одичавших детей. Помню в их присутствии танец детей в запустелом дворе: ухватив друг друга за плечи, они покачивались в скорбном ритме: «Открой хурджин, достань оттуда нож». Артавазд объяснил мне смысл этой песни: возлюбленные делят - яблоко. Затем он отвел меня к окну и сказал: «Посмотри, вон там девушка-курдянка, вон там – парень-курд»²¹. Примечательно, что Артик на-

¹⁹ Թումանյանի ընտանիքի նամականիւն, էջ 79–80:

²⁰ «Ազգ», 24. VI. 2010:

²¹ ՏՄ.: ԹԺՀ, էջ 877:

ких военных и национальных деятелей. 2 июля 1917 г. он пишет сестре Нвард из Беркри-Кала: «Три дня сижу в Беркри-Кала. Приехал привести в порядок наш пункт питания... Очень пустынное место, каменистое и - разрушенное»²⁷. Он сообщает также, что решением патриарха он назначен представителем армянства районов Беркри и Абага. А до этого он - занимался делами крестьян Беркри. 12 декабря 1917 г. Артик снова уведомляет отца: «Через несколько дней еду в Тимур (Альюр) в должности комиссара. Там тринадцать сел. Посмотрим, необходимо хорошо и стойко поработать, на что я очень надеюсь»²⁸.

В начале 1918 г. уже не оставалось никаких оснований для оптимизма – русская армия отступила, оставила передовую линию Кавказского фронта, и ситуация в окрестностях Вана резко обострилась и осложнилась.

С первых дней 1918 г. Артавазд был назначен комендантом Вана, став последним в истории армянским комендантом города. Письма Артика за 1918 г. полны тревог и предчувствия надвигающихся трагических событий. Ситуация была настолько тяжелой и безысходной, что предвидеть грядущие события не представляло большой трудности. Артик никогда, ни по какому поводу не роптал и не выражал недовольства, хотя трудился дни и ночи напролет, и выполняемая им работа была чрезвычайно опасна, сопряжена с большим риском для жизни. 18 января

1918 г. он пишет отцу: «Положение совершенно запуталось, мне кажется, мы попадем в очень плохую ситуацию, поскольку здесь царит полная неразбериха. Уже неделя, как я назначен здесь комендантом и чрезвычайно занят»²⁹. Письма с большим трудом доходили в обе стороны, и сын, в свою очередь, беспокоился о семье. 2 февраля 1918 г. Артавазд пишет из Вана: «Дорогой отец! С каждым выезжающим стараюсь послать вам сведения – как о себе, так и о здешней ситуации. От вас не имею никаких вестей...

Мое здоровье и настроение хорошие. Дела здесь также постепенно улаживаются. Вчера на мосту в Беркри убили какого-то солдата-грузина. Это был старый человек, и очень хороший человек, по фамилии Кагава»³⁰.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 96–97.

²⁹ «Գիրքիւն», 1977, - 9, էջ 56:

³⁰ Թուրքահայերի ընտանիքի նամակահանիւն, էջ 97: См. также: Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (далее – МЛИ), ф. Туманяна, ҫ 1776 (1239).

Артавазд все время остро тосковал по родным, он словно чувствовал, что никогда больше их не увидит. 7 февраля он пишет из Вана: «Дорогой отец! О здешнем положении ничего не пишу. Расскажут те, кто приедет.

Отец, ради всего святого, пишите письма! После получения моего письма в Ван отправятся очень многие люди. Пошлите письма с ними.

Положение страны довольно неопределенное – как бы оптимистично мы ни настраивались. Я живу очень и очень хорошо. Одно только плохо, что не получаю от вас писем и сведений»³¹.

Невольно вспоминаешь никогда и ни при каких обстоятельствах не унывавшего, не терявшего присутствия духа Ованеса Туманяна. Он не выразил ни единого слова негодования и недовольства, когда его, законного в цепи, везли в товарном вагоне в Петербург. Более того, из тюремных застенков поэт писал семье и близким друзьям светлые и жизнерадостные письма, всегда подчеркивая: «Со мной все в порядке»³². Он был очень болен, но писал: «У меня хорошее самочувствие. Настроение спокойное и умиротворенное. Никакого беспокойства»³³.

Тоска по семье и беспокойство о ее судьбе были настолько велики, что Артик писал письма, не дожидаясь на них ответа, писал почти каждый день. Из письма, написанного 12 февраля и адресованного матери Ольге, становится ясно, что Артавазд совершенно точно знал, что в случае, если он немедленно не покинет Ван, то окажется в городе, осажденном со всех сторон турецкой регулярной армией; он отчетливо понимал, что ожидает тех, кто останется в городе, но при этом вовсе не собирался покинуть боевые позиции. «Майрик-джан, – пишет Артавазд, – письмо свое пишу у врача, который предупреждает меня, чтобы писал ясно, чтобы можно было прочесть. Писать особенно не о чем. Положение очень смутное, и мне даже кажется, что через несколько дней ситуация очень ухудшится. Мы окружены, осаждены врагами. Здесь самое настоящее армянское царство... Турки захватили мост и Ахлат и приближаются к Арчешу (посмотри карту)»³⁴. Он уже доподлинно знал, что больше никогда не увидит свою семью и родных, однако старался казаться оптимистом: «Посмотрим... увидимся ли мы друг с другом или нет? Это вопрос, но я настроен оптимистично»³⁵.

³¹ Թումանյանի ընտանիքի նամականիւն, էջ 97:

³² Հոսից հ. Թումանյանի ՄԼԺ, հ. 10, էջ 535:

³³ Там же, с. 138.

³⁴ Թումանյանի ընտանիքի նամականիւն, էջ 98:

³⁵ Там же.

Артавазд реально мог спастись. Ведь письмо дошло до места назначения, значит, и он вместе с нарочным мог добраться до Тифлиса, однако, предвидя близкий фатальный исход, он продолжал нести свою службу в обреченном на гибель городе. Его письма все еще доходили до семьи, а ответные письма он не получал, так как покидающих Ван были тысячи, но приезжающих в Ван не было. Тем не менее он продолжал писать. 22 февраля Артавазд пишет семье: «Дорогие мои! Никогда еще за время отдаленности от вас я так не скучал и не тосковал по вам, как в эти последние дни. Уже более двух месяцев я не получаю писем ни от кого из вас... *Мы уже находимся в кольце, и это кольцо сужается, и в один прекрасный день мы обнаружим себя осажденными, это мое убеждение.* Если каким-то чудом с Кавказа придет армия, возможно, спасемся... и вместе освободим нашу страну от них.

Прискорбно, но действительность такова.

Погода уже весенняя, что будет очень способствовать нашему врагу продвигаться вперед. Было очень трудно после ухода русских принять армянские склады, предприятия и в то же самое время снабжать припасами войска и защищать области. Каждый из нас исполняет десять обязанностей – таково положение.

Настроение мое не такое уж и плохое...»³⁶.

Когда в самых первых числах марта 1918 г. началось всеобщее отступление, Артавазд опять не собирается покидать Ван. А 7 марта он пишет: «Дорогие мои! Вот уже 4-5 дней страшная паника началась по поводу отступления. Пока еще решено оставаться, но не думаю, что это продлится долго.

Возможно даже, что через несколько дней мы тоже отступим.

Если будет возможность остаться – хорошо, в противном случае, надеюсь, что мы благополучно отступим»³⁷.

Каждый день последний комендант Вана под рокот и гул перестрелки в ближайших населенных пунктах совершал обход почти опустевшего города, получал по разным телефонам известия и сводки о военном положении, о погромах и резне армян, и все больше и больше убеждался, что отход неизбежен, но при этом все равно не покидал позиции.

Последнее письмо, полученное семьей от Артавазда Туманяна, было датировано 9-м марта 1918 г. Вероятнее всего, это было последним письмом в жизни Артика. После этого от него не было никаких известий. В этом письме отчаявшийся юноша снова пытается обнадежить свою семью, и в первую очередь, мать. «Майрик-джан, здешнее положе-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 99.

ние довольно шаткое. Вчера с ночи в Востане начались обстрелы. Посмотрим, что будет. Вообще положение очень неопределенное, но я, тем не менее, убежден, что отступление неизбежно. И это будет очень трудное отступление.

Наша надежда – на Персию, но и там уже идет страшная резня. У меня на каждой линии есть телефоны, и я сразу же все узнаю. Ничего, очень скоро, я надеюсь, все закончится, и мы встретимся – живые и здоровые. Ради Господа, напишите хотя бы одно письмо, очень хочу получить хоть какое-нибудь известие о вас...»³⁸.

Отступление из Вана под руководством комиссара Ванской области Костина (Самвела) Амбарцумяна³⁹ было организовано через территорию Персии. После гибели К. Амбарцумяна в Саин-Кала, губернатору Гяваша Левону Шагояну⁴⁰ удается одержать победу над турками и спасти беженцев, которых он сопровождает в направлении Ирака. Присоединившись к английским военным подразделениям, он добирается до Багдада и устраивает для беженцев палаточный городок неподалеку от города Басра. Если бы Артавазд находился в его группе, то ему удалось бы спастись. Однако он, на свою беду, выбрал путь прямого возвращения в Армению. Тем не менее, несмотря на стремление поскорее вернуться домой, он решает сделать привал в селе Г,й-Тапа (Синий Холм), чтобы поработать в медицинско-санитарной части, оказывая помощь отступающим армянским ополченцам и беженцам. Если бы Артавазд не спешил и не был озабочен судьбами армянских беженцев и сирот, то он, скорее всего, вернулся бы домой живым и здоровым. Однако именно в дни последнего отступления из Вана, по-видимому, в приграничном поселке Г,й-Тапа, при исполнении своей патриотической миссии в медсанчасти, Артавазд Туманян был жестоким образом убит. Более точных сведений о времени и обстоятельствах гибели сына поэта до нашего времени не выявлено. С. Городецкий на основании разрозненных и скудных данных 8 декабря 1918 г. опубликовал статью «Венок родным», в которой пишет: «Они пали не в открытом бою, а в коварной засаде, их пря-

³⁸ Там же.

³⁹ Костин (Самвел) Амбарцумян, Васпураканский Костин, Ухтавор (1882, Шуши – 1918, Саин-Кала, на территории нынешнего Ирака) – деятель армянского национально-освободительного движения, член партии Дашнакцутюн. В 1908 г. организовал доставку оружия через Персию. С осени 1917 г. был руководителем временного правления г. Ван. В 1918 г. вместе с Левоном Шагояном организовал вынужденное отступление армян из Вана. Был убит в битве с турками.

⁴⁰ Левон Шагоян (1887, Хараканц, Васпуракан – губерния Вайоц Дзор – 1933), член партии Дашнакцутюн, деятель армянского национально-освободительного движения, представитель армянского фидаинского движения.

модушная доверчивость и бесстрашие встретились с вероломством и подлостью врага»⁴¹.

По свидетельству С. Городецкого, впоследствии, после поездки в Константинополь, Ов. Туманяну удалось найти очевидцев убийства сына, которые утверждали, что «Артавазд был смертельно ранен в голову ударом меча и упал в реку»⁴².

На протяжении восьми долгих месяцев Ов. Туманян не имел никаких вестей о сыне Артавазде, он был очень обеспокоен, но не отчаивался. Поэт устал от ужасов войны, от крови, устал от вражды людей и народов. Эти настроения Туманяна нашли выражение в пронзительном и полном отчаяния четверостишии, написанном 12 июля 1918 г., когда его сына уже не было в живых. Поэт все еще не располагал никакой определенной информацией о сыне, он всячески старался отталкивать от себя дурные мысли и предчувствия, но подсознание говорило ему, что столь долгое молчание Артавазда означало его гибель; поэту повсюду виделась кровь, он скорбел о кровавой судьбе своего народа.

*Куда идти? – твои следы в крови.
К кому идти? – знакомый, друг в крови.
И как забыть мне этот мир в крови?
Внимаешь песне, но она в крови.*
(Пер. Гургена Баренца)⁴³

С октября до середины декабря 1918 г. Ов. Туманян тяжело болел и был прикован к постели. Самым черным, ужасным и трагическим днем в его жизни оказалось 3 декабря. В этот день он просматривал утреннюю почту и случайно прочитал в тифлисской газете «Нор Оризон» сообщение об убийстве Артавазда. В небольшой заметке говорилось: «По дороге, ведущей из Беджара в Хамадан курдами были убиты доктор Варданян, Микаэл, Туманян Артавазд и девица Саакян (служащая «Союза городов»)»⁴⁴.

Нвард Туманян в своих воспоминаниях пишет: «Утром получили номер «Оризона»... Прочитал... Известие сразило отца... Он рыдал с газетой в руках. Тяжелое, очень тяжелое было зрелище»⁴⁵.

⁴¹ «Кавказское слово» (Тифлис), 8. XII. 1918.

⁴² См.: թժՀ, էջ 886:

⁴³ Перевод публикуется впервые.

⁴⁴ «Նոր Հորիզոն», 3. XII. 1918: См. также: ՀԶ, էջ 167:

⁴⁵ См.: ՀԶ, էջ 167:

Услышав о гибели Артавазда, Ваан Тотовенц поспешил навестить Туманяна и дал описание великого поэта в момент величайшей его скорби: «Никогда еще веселые, гостеприимные и ликующие стены дома Туманяна не были такими мрачными. Все тихо плакали. Туманян сидел напротив стола и проливал горькие слезы, которые тихо капали, настолько душещипательными и жалостными они были.

До сих пор еще я помню его слезы, чистые слезинки великого поэта, столь же чистые, как весенняя роса и такие же жгучие, словно капля расплавленного серебра»⁴⁶.

Поэт скорбел, тосковал, грустил, однако не хотел и не мог примириться со случившимся несчастьем. Но с того самого дня, как бы он ни сомневался в правдивости газетной информации, как бы его сознание ни отвергало возможность гибели Артавазда, Туманян до самого последнего дня своей жизни без конца оплакивал смерть сына. Д. Демирчян пишет: «Этот случай глубоко уязвил его. Туманян вообще был мужественным, философом, и в несчастьях – будь то общественные или личные – был мужчиной, но именно в этом была причина, что он страдал еще сильнее... И вот судьба нанесла Туманяну удар, дав убить такого сына в глубине Персии, да еще кто знает с какой жестокостью...

...Туманян был неузнаваемым в часы печали»⁴⁷.

Мировая война, погромы, резня, геноцид, смерть двух братьев почти обессилили поэта, однако трагическая гибель сына окончательно срубила его, и он после этого никогда уже не смог оправиться от боли. Дочь поэта Нвард пишет: «Начиная с 3 декабря... наш дом помрачнел. Хотя и до этого под грузом как всеобщего, так и личного горя отец уже согнулся, потерял здоровье и свой веселый нрав, но при этом все еще не был сломлен... Убийство Артика внезапно перебило ему спину... после этого больше не мог скрывать переживания и начал избегать посторонних людей»⁴⁸.

Но время все же было военное, могло случиться какое-то недоразумение, и поэт отказывался верить, признавать очевидное, думал, что газеты могли ошибиться. Он не видел тела сына, ему предстояло заниматься поисками до конца своей жизни. В период с 3 по 7 декабря 1918 г. Туманян пишет письмо проживавшему в Хамадане Сааку Степаносяну, одному из друзей Артавазда, и просит узнать что-либо о судьбе Артика, и если он действительно погиб, то хотя бы выяснить, уточнить

⁴⁶ ԹԺՀ, էջ 145–147:

⁴⁷ Там же, с. 41–42.

⁴⁸ ՀԶ, էջ 170:

Со всех концов страны к поэту поступали слова утешения и соболезнования, ставшие обыденным явлением в условиях военного времени. 6 декабря 1918 г. Л. Евангулян пишет: «Высокочитимый г-н Туманян,

Смерть несчастного Артавазда глубоко меня опечалила....

Летом 1916 г. я поехал в Ван, где познакомился с Вашим сыном, этим честным, умным, ласковым, благовоспитанным Артаваздом... Две недели мы вместе с беженцами удалялись из Вана в направлении границ Еревана... во многих случаях убеждался, насколько разумную любовь питал он к своему народу и насколько полезен он был своей неутомимой деятельностью... он распоряжался о предоставлении сиротам пристанища; Артавазд приносил большую пользу, каждый принимал его с большой любовью, с улыбкой на лице. Сожалею, очень сожалею»⁵⁴.

С. Городецкий послал телеграмму с соболезнованием 3 декабря 1918 г., то есть именно в день публикации в газете печального известия о гибели Артавазда.

«Дорогой Ованес Фаддеевич.

Сейчас Вардгес перевел мне из «Оризона» печальные строки о гибели в бою наших общих друзей и в их числе нашего нежного темнокрылого голубя–Артика. Слезы мне застилают глаза, я его любил, как единокровного брата, но мое горе кажется мне маленькими сумерками по сравнению с огромной ночью Вашей скорби.

ÿ Я не смею утешить Вас, отца героя, но я так близко-близко стою около Вас и смотрю вместе с Вами в опустевший мир и жду минуты, чтобы поднять вместе с Вами глаза к вечным звездам, где теперь душа Артика.

Обнимаю Вас и целую Вас крепко.

Ваш всею душой С. Городецкий»⁵⁵.

С. Городецкий называл Артика незабываемым другом с прекрасным взглядом и душой и говорил: «Как много творческих сил погибли в нем, жаль его сердца, которое было переполнено горячей туманяновской кровью. Артавазда ожидало процветание. Вся юношеская неуравновешенность, которая была в нем, непременно должна была превратиться в прекрасное произведение. Что он унес с собой: эпические полотна, в которых должен был рассказать, если бы стал художником, о страданиях своего народа? Трагедии, которые он написал бы, если бы остановился на театре, и в которых отразился бы исторический перелом его народа... Смерть выбрала в качестве своей последней жертвы самых лучших, са-

⁵⁴ МЛИ, ф. Туманяна, ¹ 1158 (318).

⁵⁵ Там же, ¹ 1102.

мых преданных, самых необходимых, и только их светлые тени будут парить над Арменией – в дни ее возрождения»⁵⁶.

Впоследствии С. Городецкий начинает, но оставляет незавершенным роман «Сады Семирамиды», в котором с большой художественной выразительностью и воодушевлением описывает свою поездку в Западную Армению и уделяет значительное место «сыну самого любимого поэта Армении», сделав Артавазда одним из главных персонажей своего произведения, который характеризуется как стройный и благообразный юноша, большой патриот, наделенный огромной любовью к искусству, прекрасно разбирающийся в искусстве и оригинально о нем рассуждающий.

Полководца Андраника весть о гибели Артавазда застает в Горисе. И уже 26 декабря 1918 г. в письме, адресованном А. Хатисяну, наряду с подробным описанием положения дел в Зангезуре он выражает свое искреннее соболезнование в связи с гибелью сына Ов. Туманяна. Это письмо генерал послал через Шириняна и Костаняна. Андраник писал: «Передайте привет Вашему брату – Ованесу Туманяну. ЁЯ получил его письмо. От моего имени передайте мою глубокую скорбь по случаю смерти его благородного сына»⁵⁷.

А за несколько дней до этого, 14 декабря, Туманян пишет письмо Андранику о горестях народа и о своем личном горе: «В последние несколько дней получили известие, что в Персии был убит мой второй сын – Артавазд, который был с беженцами из Вана. Мы просто раздавлены тяжестью этого горя»⁵⁸. Поэт также уведомляет генерала о тех обвинениях, которые распространялись об организаторах и ответственных за самооборону Вана лицах, об общественном мнении по вопросу вынужденной сдачи Вана: «Должен тебе сказать, что Григор Булгарацци и его друзья прямо виноваты во всех бедствиях переселения из Вана. Так рассказывают и судят все прибывшие»⁵⁹.

Трагическая гибель сына явилась самым печальным событием в личной жизни Туманяна, и совершенно исключительным по своему огром-

⁵⁶ «Ազգ», 24. VI. 2010:

⁵⁷ См.: Андраник Озанян. Документы и материалы. Сост. А. О. Арутюнян, Г. Г. Арутюнян, В. С. Эвоян, С. С. Мирзоян, П. Г. Сафян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1991, с. 329–331.

⁵⁸ Հ ն զ հ. Թ ն լ ս թ ն յ յ ն. ԵԼԺ, հ. 10, էջ 299:

⁵⁹ Նույն տեղում, էջ 300:

ному воздействию на душевный мир великого страдальца, видевшего много смертей, много горя, потерь и лишений⁶⁰.

Первого января 1919 г., в новогодний день, первым посетителем дома Туманяна был Сергей Городецкий, затем пришли Тигран Ованнисян, Вртанес Папазян, один из лучших друзей детских лет поэта известный пианист Ростом (Степан Зорьян), который совсем недавно вернулся из Персии и обещал привезти какие-то сведения об Артике. Но он при всем своем желании не мог сказать ничего хорошего или, хотя бы, определенного. То, что случилось, было реальностью, а найти тело погибшего Артика было невозможно. Поэтому после ухода товарища поэт загрустил еще сильнее. Второго января 1919 г., когда многие справляли Новый год, поэт, по словам Нвард, «весь день ходил по комнате, смотрел на фотографию Артика... и сам был печальный, печальный... Взгляд был устремлен на сына, он, казалось, спрашивал... где ты? Неужели ты не придешь?.. В этот день он не был с нами, он забыл всех нас»⁶¹. Туманян то и дело продолжал обращаться во все инстанции, ко всем лицам, которые могли бы располагать хоть какой-то информацией, с несбыточной надеждой что-то разузнать. Овсеп Мирзоян пишет Туманяну из Тегерана: «Мой дорогой друг, Ваше письмо и весть об убийстве Вашего сына причинили мне большую боль. Я постарался незамедлительно собрать здесь сведения. Однако, к сожалению, не добился никакого положительного результата. Точно известно только то, что Артик вместе с тремя другими товарищами выехал из Беджара, но так и не добрался до Хамадана. О том, что случилось с ними, рассказывают разное, но ни одно известие не является точным.... Все эти сведения основаны на одних домыслах и предположениях... желаю, чтобы непроверенные сведения -

⁶⁰ Еще 16 сентября 1915 г. был убит брат Туманяна Ростом, став жертвой междоусобных распрей и вражды. Остальные трое братьев – Ваан, Арташес и Аршавир, находились в действующей армии. В Первой мировой войне на семью Туманяна одно за другим обрушивались все новые и новые испытания и бедствия. В письме от 2 марта 1916 г. поэт пишет: «И действительно, последние несколько месяцев были ужасными в моей жизни. Сперва – Ван, затем летом – Эчмиадзин, после этого убийство одного моего брата, затем убийство другого; дом остается совершенно без присмотра – одни лишь растерянные, скорбящие женщины и дети, а другие мои дети находятся на отдаленных фронтах либо в госпиталях, сыновья разбросаны здесь и там и находятся в опасности, дома группами болеют, причем месяцами; наконец, вместе со всем этим происходят истории, о которых и писать не хочется – одним словом, пусть эти последние месяцы уйдут и не возвращаются». Туманяна особенно волновало состояние скорбящей матери и то, что от нее долгое время скрывали весть о погибшем на фронте сыне, поскольку были уверены, что Сона не вынесет этого «непередаваемого горя» (*Հն Վհ. Թն լ Վի ի յ ի. ԵԼԺ, հ. 10, 234*).

⁶¹ Там же, с. 171.

об убийстве Артика оказались ложными, и он в один прекрасный день появился у Вас, чтобы утешить Ваше отцовское сердце»⁶².

В воспоминаниях в дневниковых записях современников (Ширванзаде, Нвард Туманян, Тотовенца, Лео, Городецкого и других) Туманян предстает перед нами то верящим в возвращение сына Артавазда, то потерявшим всякую надежду.

Ширванзаде через пятнадцать лет после гибели Артавазда пишет в своей статье «Поэт и отец» о том, как в период пика своей славы, когда всенародно отмечалось пятидесятилетие поэта, Туманян сказал: «Поверь, сегодня я предал бы огню все свои произведения, только бы вернули мне моего потерянного сына»⁶³. Не только самые близкие и родные, но и друзья и знакомые отмечали, что поэт до самых последних мгновений своей жизни не переставал ждать возвращения сына, хотел верить в чудо. Ширванзаде пишет: «Он не переставал, и даже до самого смертного своего часа не перестал скорбеть о своем самом любимом сыне, который стал одной из жертв империалистической войны и которого он лелеял всей силой своей чувствительной души»⁶⁴.

Каждый раз, когда кто-то из Западной Армении через Персию добирался до Тифлиса, Туманян спешил встретиться с ним и расспросить об Артике, получить хоть какой-то обнадеживающий ответ или узнать что-то новое, какие-то подробности о его гибели, однако каждый раз его ожидало разочарование, и в минуты подобного отчаяния он уединялся, старался спрятать от всех и каждого свое горе и свои страдания. 12 декабря 1919 г. поэт был вынужден объяснить детям, почему он больше не может улыбаться всем, радоваться чему-то. «1915–1916 годы, разруха наших дней и миграция народа, разрушили жизнь моего Артика... Я ÿ немало потерял – мой родной дом и его – Артика, это слишком большие потери, чтобы я мог остаться прежним»⁶⁵.

Когда после смерти Артика прошло почти два года, горе, боль и тоска поэта совершенно не отступили, не притупились, а, казалось, напротив, усилились. Туманян все еще продолжал надеяться, он не мог противостоять несбыточному желанию вновь увидеть сына. Известно, что писатель был наделен очень сильным даром ясновидения. Но однажды, 11 марта 1920 г., предчувствие его подвело. Возможно, это был единственный подобный случай. Тоска и ожидание сына оказались сильнее бла-

⁶² МЛИ, ф. Туманяна, ¹ 1756 (403).

⁶³ ՋԺՀ, էջ 399:

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ՀԶ, էջ 211:

горазумия, способности трезво оценивать реальность и, тем более, мириться с ней. Бушующие чувства боли и страдания пересилили мудрость поэта, и в указанный день он, возможно, не столько верил, сколько хотел уверить себя в том, что сын вернется домой. И отец спел для него несколько известных церковных песен – шараканов, затем всю ночь напролет просидел в гостинной – за столом, за чаркой вина, чтобы открыть сыну дверь. Вот как рассказывает об этом дне Нвард Туманян: «Была поздняя ночь. Вдруг я проснулась ото сна, до моего слуха долетел голос поющего отца; он пел очень мягко и нежно, но бодро и легко. Пел песню «Сурб-сурб».

Вначале мне казалось, что мне это слышится во сне, настолько издали и мягко слышался голос... Затем я встала с постели, думая, что уже утро, или что к отцу пришел гость. Пошла в гостиную. Вижу – на столе стоит вино мадера, стол накрыт, а сам он одиноко сидит, пьет и поет; настроение у него было хорошее, вернее, было очень плохое. Ему вдруг почудилось, что Артик должен вернуться, и он не смог заснуть, встал, пришел в гостиную, накрыл стол и стал ждать...

Было два часа ночи. Он пел и напевая, казалось, звал его. Его песня была плачем, горем, тоской и зовом...

В модуляциях песни было столько глубины и возвышенности, столько горести, в горе было столько слез, и на лице было столько света и ясности...»⁶⁶.

Безграничное горе Туманяна не могло не выплеснуться, не воплотиться в поэтические образы, в художественное слово. И в каждом четверостишии поэта, написанном после черного дня 3 декабря 1918 г., в каждой строке, посвященной огромному армянскому горю, следует искать личную боль писателя. Одно из этих четверостиший было написано 12 июля 1922 г. и свидетельствует о не проходящей, не слабеющей до самого конца жизни боли и тоске поэта.

*Как много скорби и могил в моем усталом сердце!
Я столько близких схоронил в моем усталом сердце.
Я и припомнить не могу в жестокий этот час,
чтоб свет когда-нибудь светил в моем усталом сердце.*

(Пер. Наума Гребнева)⁶⁷

Отнять у поэта его веру и надежду было невозможно. Даже 7 марта 1921 г., когда родные отвозили его в больницу на операцию, и

⁶⁶ Там же, с. 225.

⁶⁷ О в. Т у м а н я н. Избранное. Сост. и примеч. М. Джанполадян. М., 1988, с. 357.

поэт думал о возможном неблагоприятном исходе, Туманян дал наказ: «Я бы очень хотел, чтобы вы отвезли меня в наше село, в Дыды Ус, я очень любил это место в детстве, и до сих пор люблю. И постарайтесь найти Артика, если он окажется живым и придет; ну что еще сказать?.. И если когда-нибудь его найдете, приведите ко мне, пусть он будет рядом со мной, пусть мы будем вместе. Ведь он для меня – самое дорогое в моей жизни... Я сам себе не настолько дорог, насколько он для меня; хотел бы, чтобы он был рядом со мной...»⁶⁸.

За несколько дней до смерти, 18 марта 1923 г., в Московской клинике поэт спрашивает свою дочь Ашхен, чья смерть, по ее мнению, тяжелее, отца или сына? У смертного одра своего отца Ашхен, мать девятилетнего сына, которая тогда, конечно же, не знала, что ей через годы придется увидеть смерть своего единственного ребенка, отвечает отцу: «Отцы бывают разные, дети тоже бывают разные». Туманян ей возразил: «Нет, ошибаешься. Я очень любил своего отца, очень... Мой божественный отец... Его смерть причинила мне очень большую боль, но боль из-за Артика была больше...»⁶⁹.

Почти столетие прошло со времени трагической гибели Артавазда Туманяна, однако его судьба продолжает волновать каждого, кто был знаком с его жизнью и творчеством, с его ярким человеческим образом. Он, этот блестящий юноша, беззаветно влюбленный в Западную Армению, в страну Васпуракан был одной из жертв Первой мировой войны, одной из жертв Геноцида армян, хотя и мог спастись, если бы был воспитан по-другому, если бы не вырос на примерах национальных героев, не получил уроков мужества, храбрости, беззаветного и самоотверженного патриотизма, если бы не был сыном Поэта Всех Армян – Ованеса Туманяна.

ԱՐՏԱՎԱԶԴԻ ԹՈՒՄԱՆՅԱՆ. ՑԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ԿԱՄԱՎՈՐ ԶՈՂԸ

ՍՈՒՍԱՆՆԱ ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

Ա մ փ ն փ ն ու մ

Հովհ. Թումանյանի չորս որդիներից երեքը՝ Մուշեղը, Արտավազը և Արեգը, Առաջին աշխարհամարտի տարիներին ծառայել են Ալաշկերտի շրջանում ու Վասպուրականում: Արտավազը եղել է Վանի վերջին հայ պարետը:

⁶⁸ ՀԶ, էջ 254.

⁶⁹ Там же, с. 311.

1915 թ. վերջին նա գորակոչվել է բանակ և ծառայել «Քաղաքների Համառուսական միության» զորամասերում: Վասպուրականում թե՛ իբրև այդ միության կովկասյան կոմիտեի լիազոր ներկայացուցիչ, թե՛ որպես տնտեսական գծով գործերի կառավարիչ, և թե՛ որպես քաղաքի պարետ զբաղվել է որբանամ գործունեությամբ, Մուշում, Բերկրիում և այլուր բացել է «սննդատու կացարաններ», թեյարաններ:

1918 թ. սկզբին Արտավազը համոզվում է, որ նահանջն անխուսափելի է, սակայն չի լքում դիրքերը: Վանի շրջանի կոմիսար Կոստին (Մամվել) Համբարձումյանի գլխավորությամբ նահանջը կազմակերպվում է Պարսկաստանի վրայով: Հենց այդ ճանապարհին, հավանաբար, մարտի վերջին կամ ապրիլի սկզբին Գյոյ-թափա (Կասույտ-բլուր) գյուղում դեռ 24-ը չբոլորած Արտավազը Թումանյանը սպանվում է:

Յեղասպանությանը զոհ դարձած որդու եղերական մահը Հովհ. Թումանյանի անձնական կյանքի ամենաողբերգական դրվագն է, նրա անփարատ վիշտը, որը բացառիկ է այդքան մահեր ու ավեր տեսած մեծ տառապյալի հոգեկան աշխարհի վրա թողած վիթխարի ներգործությամբ:

ARTAVAZD TUMANYAN. THE VOLUNTARY VICTIM OF THE GENOCIDE

SUSANNA HOVHANNISYAN

Summary

Three of Hovhannes Tumanyan's four sons – Mushegh, Artavazd and Areg served in the region of Alashkert and Vaspurakan during World War I. Artavazd was the last Armenian commandant of Van. At the end of 1915 he was called up for military service and served in units of the “Union of All-Russian Cities”. In Vaspurakan, both as an authorized representative of General Caucasian Committee of the Union of All-Russian Cities of International Red Cross and as a manager of economic affairs and a commandant of the Van city, he was engaged in orphan protecting work in Mush, Berkri and everywhere opened tea houses.

At the beginning of 1918 Artavazd was convinced that retreat was inevitable but did not leave positions. Headed by the Commissioner of Van district Kostin (Samvel) Hambardzumyan the retreat was organized across Persia. It was in this path that probably in late March and early April in Goy-tapa (Blue-Hill) village, not having even turned 24 years old Artavazd Tumanyan was killed.

Tragic death of his son who had become a victim of the Genocide was the most tragic episode in Tumanyan's private life: undessipated grief that had exceptional tremendous impact on the mental world of the great sufferer who had seen so many deaths.